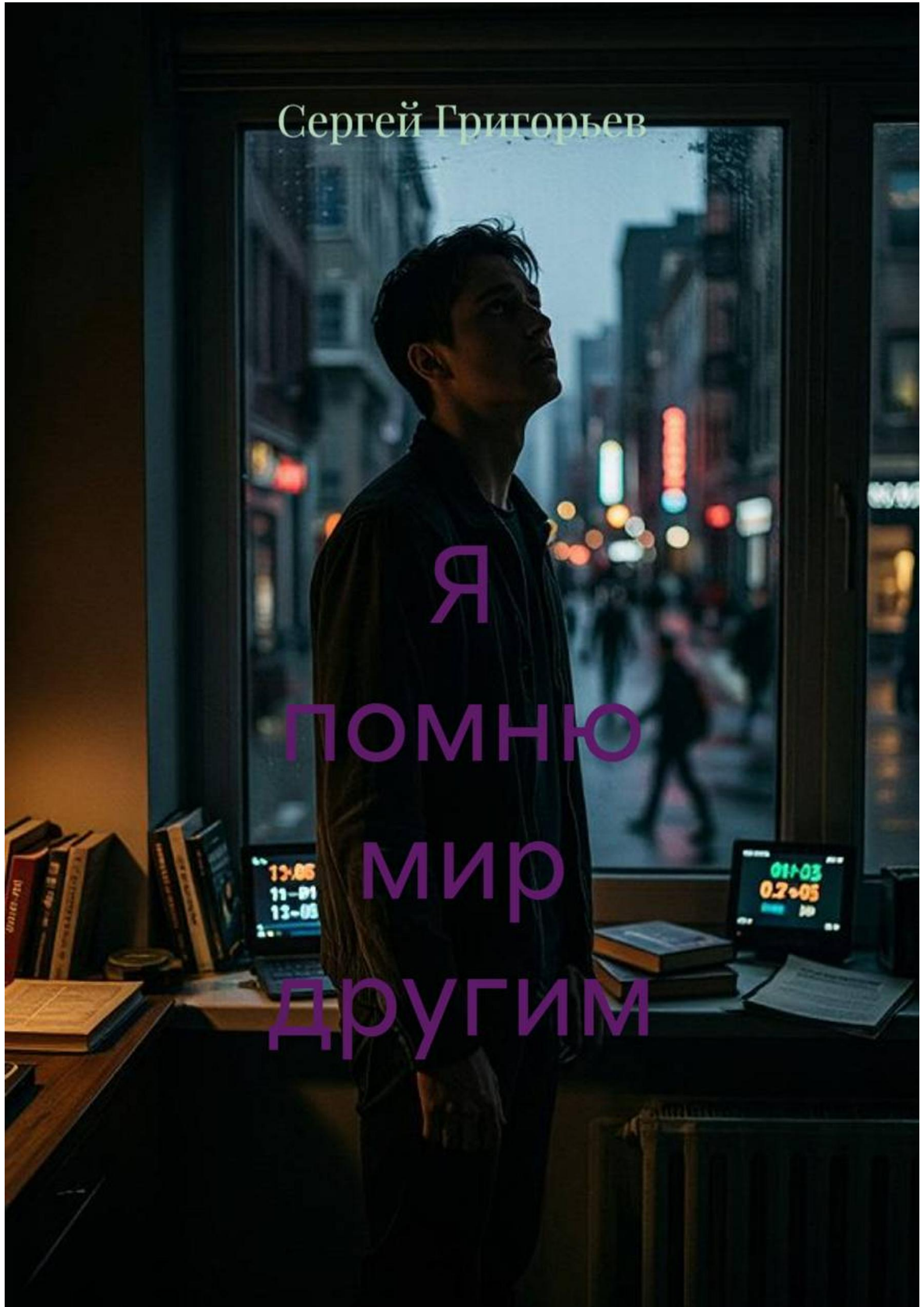

Сергей Григорьев

Я
помню
мир
другим

Сергей Григорьев

Я помню мир другим

«Автор»

2026

Григорьев С. А.

Я помню мир другим / С. А. Григорьев — «Автор», 2026

В жизни Антона рушатся самые простые, очевидные опоры: исчезают цифровые следы, привычные вещи встают не на свои места, а люди спокойно «вспоминают» события, которых не было. Окружающие не видят в этом ничего странного — для них всё в порядке. И тогда внутри героя рождается тяжёлый вопрос: он сходит с ума или мир действительно переписывает себя прямо на глазах? Чем сильнее Антон пытается доказать, что помнит всё правильно, тем убедительнее реальность доказывает обратное. Втянутый в череду необъяснимых событий, он постепенно понимает: изменения не случайны. За ними стоит система, которая стирает всё «неправильное» — в том числе и саму возможность помнить. Теперь его борьба — это не просто поиск истины, а попытка удержать собственное «я» в мире, который хочет сделать его лишним.

© Григорьев С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Григорьев

Я помню мир другим

Глава 1

Эффект Манделы — это психологический феномен, при котором большое количество людей одновременно разделяет одинаковые ложные воспоминания, противоречащие реальным фактам. Это не единичная ошибка памяти, а коллективное искажение восприятия.
Фиона Брум 2009г.

Антон проснулся ровно в 7:15 — тело само знало, во сколько надо встать, чтобы успеть на электричку. За окном висела та самая октябрьская серость, будто кто-то убавил яркость у всего мира.

На кухне пахло подгоревшим тостом и крепким чаем. Мама стояла у плиты, привычно хмурилась и держала телефон.

— Антош, ты опять без шапки? Ветер сегодня злой, — не оборачиваясь, сказала она. — Мам, я в электричке, там тепло, — привычно отмахнулся он, наливая кофе в кружку с надписью «Лучший брат».

В углу за столом сидел отец. Он листал газету, шуршал страницами, время от времени хмыкал — будто по расписанию. И, не глядя на Антона, ровно, без интонации, бросил: — Время — деньги. Не опоздай на электричку.

Фраза прозвучала как заезженная пластинка. Антон на секунду замер: он уже слышал её вчера. И позавчера. И неделю назад.

Миша сидел за столом, ковырял ложкой хлопья и что-то чертил в своей потрёпанной тетради — просто водил ручкой, выводил линии, ставил галочки. Для него это была игра: если записать странность, она становится понятнее.

— Мелкий, не сиди с тетрадкой за едой, — буркнул Антон, доставая хлеб. — Я не с тетрадкой, я схему делаю, — тихо ответил Миша. — Пытаюсь понять, почему лампочка у подъезда горит, когда выключатель выключен.

Мама только вздохнула: — Мишаня, хватит про лампочки. Поешь нормально.

Антон намазал масло на хлеб, сел напротив брата — и вдруг снова вспомнил про фото. Про то, что не давало ему покоя с вечера.

— Мам, ты вчера моё сообщение видела? Ну, фотку Вики из кафе я скидывал.

Мама нахмурилась, будто пыталась вспомнить что-то, чего не было: — Какую фотку, Антош? Ничего ты не скидывал. — Скинул, — упрямо сказал Антон. Он потянулся за телефоном, открыл чат, ткнул пальцем в экран. — Вот, смотри: время 20:47, я ещё написал: «Смотри, это та самая девушка, я с ней в электричке познакомился».

Мама глянула через плечо, и в её взгляде не было ни узнавания, ни даже лёгкого сомнения — только усталость от того, что сын опять затевает непонятную суету. — Ничего не приходило, Антош. Ты, наверное, не туда нажал. Или вообще не отправлял.

Антон снова уставился в экран. Чат был. Его сообщения — нет. Он судорожно начал перелистывать чаты — вверх, вниз, по папкам, потом полез в «Недавние», в «Архив», даже в корзину, будто пропавшая строчка могла спрятаться где-то на дне, за какой-то невидимой заслонкой. Он тыкал в экран, прокручивал, снова возвращался к началу, будто если проделать это достаточно быстро, реальность спохватится и вернёт стёртое.

— Да что же это... — прошептал он.

Отец, не отрываясь от газеты, снова ровно произнёс: — Не опоздай. Время — деньги.

Мама махнула половником: — Ну всё, Антош, позже разберёшься. Может, скинул не туда, из головы вылетело. Поешь и иди, а то на электричку опоздаешь.

Антон замер с телефоном в руке, пальцы побелели на корпусе. Он хотел возразить, хотел снова показать ей пустой чат, снова ткнуть в то место, где должна была быть строчка с 20:47. Но в мамином голосе уже не было ни сомнения, ни даже усталости — только спокойная уверенность, что сын просто что-то перепутал. И от этой уверенности становилось страшнее, чем от самой пропажи.

Он сунул телефон в карман, будто тот вдруг стал тяжёлым и чужим.

Миша молча стоял рядом, теребил край куртки и смотрел на брата так, будто боялся, что если скажет хоть слово, Антон сорвётся.

— Я сейчас, — хрипло бросил Антон, будто оправдывался. — Просто... ещё раз гляну.

И уже в коридоре, пока застёгивал куртку, он снова вытащил телефон. Пролистал ещё раз — быстро, жадно, цепляясь взглядом за каждую строчку. Ничего. Ни фото Вики, ни сообщения про неё. Вообще ничего. Как будто этого никогда не было.

Мама крикнула из кухни: — Антош, дверь за собой закрой!

— Закрою, — машинально ответил он, пряча телефон, и вышел на лестничную клетку.

Ветер ударил в лицо, колющий и настоящий, и Антон на секунду замер, втягивая этот холодный воздух. Пока он чувствует ветер, пока земля твёрдая под ногами — всё не так безнадёжно.

В электричке он ещё не раз достанет телефон. В проходе, у окна, когда поезд дёрнется и пойдёт ровно, он снова откроет галерею, снова проверит чаты, снова заглянет в корзину — будто если сделать это достаточно много раз, один из вариантов реальности наконец совпадёт с тем, что он помнит. Но каждый раз экран будет показывать одно и то же: фотографии Вики в его телефоне никогда не было.

Путь до Петербурга тянулся привычно и одновременно странно. Антон смотрел в окно на мелькающие серые дачи, на мокрые заборы, на одинаковые остановки — и ловил себя на том, что ищет в этом пейзаже хоть одну деталь, которая могла бы подтвердить: да, вчера всё было именно так. Но пейзаж был таким же, как и неделю, и месяц назад — ровным, будничным, будто специально придуманным, чтобы не оставлять зацепок.

Офис, где Антон работал логистом, располагался в старом кирпичном здании на окраине центра — высокие потолки, большие окна, столы, поставленные ровными рядами, будто для того, чтобы никто не выбивался из общего ритма. Он прошёл мимо стойки ресепшена, кивнул охраннику, привычно приложил пропуск к турникету.

В кабинете пахло бумагой, кофе и той самой канцелярской тишиной, которая бывает там, где люди каждый день делают одни и те же вещи. Антон сел за свой стол, поставил рюкзак на пол, включил компьютер. Пока грузилась система, он машинально огляделся, отмечая привычные детали: стопка папок, чашка с надписью «Лучший логист», календарь на стене, где он красным маркером обводил дедлайны.

И вдруг замер.

Чашка стояла не там. Раньше она всегда была слева от клавиатуры, рядом с подставкой для ручек. Теперь она стояла справа, будто её кто-то аккуратно переставил, чтобы она не мешала.

Антон медленно провёл взглядом по столу. Папки лежали ровно, но их порядок был другим. Не хаотичным, не сбитым — а именно другим, будто кто-то взял и расставил всё по новой, более «правильной» схеме.

А на стене, прямо над его столом, висел календарь — но не тот, что он обводил красным. Этот был новым, с другой картинкой: не дождливый Питер, а какой-то абстрактный узор из

синих линий. И даты шли не так — Антон точно помнил, что на старом календаре он отметил важную встречу на пятнадцатое, а здесь пятнадцатого вообще не было видно за наклейкой с логотипом компании.

Он встал, подошёл ближе, потрогал календарь, будто мог стереть эту наклейку и вернуть прежний вид. Но бумага была настоящей, плотной, приклеенной намертво.

«Может, я сам переставил чашку? — подумал он, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Может, вчера был завал, я торопился, схватил папки, поставил как попало...»

Но в глубине души он знал: он никогда не трогал чашку. Она всегда стояла слева. Всегда.

Коллега Игорь, сидевший за соседним столом, поднял голову, улыбнулся своей привычной широкой улыбкой: — О, Антон, привет! Ты вчера мне скинул накладную, я её проверил, всё ок.

Антон на секунду запнулся. — Какую накладную, Игорь? Я тебе ничего не скидывал.

Игорь на секунду нахмурился, потом снова улыбнулся — так легко, будто стёр эту заминку одним движением. — Ну как же, ты ещё писал: «Посмотри, тут цифры не бьются». Я тебе ответил, что всё сходится.

— Я не писал, — тихо сказал Антон. — У меня даже времени не было. Вчера весь день по складам бегал.

Игорь чуть наклонил голову, будто пытался вспомнить, но в его взгляде не было ни злости, ни спора — только лёгкая усталость, как будто он уже сотню раз объяснял одну и ту же вещь. — Да ладно, не переживай. Может, я с кем-то перепутал. Главное, накладная в порядке.

Антон сел обратно за стол, положил руки на клавиатуру, но пальцы не тянулись печатать. Перед глазами снова вставал пустой чат, чашка, стоящая не на своём месте, календарь с чужой картинкой.

«Это не я. Это не я всё перепутал», — повторял он про себя. — «Чашка была слева. Я не скидывал Игорю накладную. И фото Вики было. Было».

Он снова потянулся к карману, будто хотел нащупать что-то реальное, но вовремя остановился. Сейчас опорой было не что-то в кармане — опорой было то, что Миша не сказал «тебе показалось». И то, что ветер на платформе был настоящим.

Пока есть это, он не сошёл с ума. Просто мир вокруг стал чуть-чуть неправильным. И теперь Антону предстояло понять, насколько глубоко эта неправильность залегла.

Глава 2

Офис будто специально был устроен так, чтобы выжимать из головы всё лишнее. Звонки, письма, дедлайны — они шли плотной, ровной чередой, как вагоны в составе, который Антон каждый день собирал по номерам и адресам. К полудню он уже почти не думал о пропавшем фото. Почти не вспоминал, что чашка раньше стояла слева.

Сначала он ещё ловил себя на том, что замирает над клавиатурой, вспоминая: «А я точно не трогал эту чашку?» Но тут звонил клиент, или Игорь кидал в чат: «Тох, посмотри накладную 4489, там цифры пляшут», — и Антон нырял в цифры, в маршруты, в графики, где всё было чётко: если груз выехал в 10:17, он должен быть на точке в 14:30. Здесь не было места странностям. Здесь была логика.

Он отвечал на письма, сверял накладные, перекидывал задачи между складами — и постепенно, будто слой за слоем, на него опускалась привычная рабочая усталость. Та самая, когда мысли становятся короче, а мир — проще. К трём часам он уже почти убедил себя, что утро было обычным: мама привычно волновалась из-за шапки, отец привычно бубнил про время, а телефон просто заглох. Или он правда не туда нажал. Или вообще не отправлял.

К концу дня Антон поймал себя на том, что вспоминает про фото Вики как про что-то далёкое, будто это было не вчера, а месяц назад. И чем больше он пытался удержать эту мысль, тем быстрее она ускользала, как пар из приоткрытой двери. Оставалось только смутное чувство — будто он что-то упустил, но уже не помнил, что именно.

Когда он вернулся домой, всё выглядело привычно и уютно. Мама суежилась на кухне — гремела кастрюлями, что-то помешивала, улыбалась.

— Антош, ты сегодня поздно. Я тебе суп оставила, он в контейнере, только разогрей. Ты опять без шарфа? Ну хоть куртку застегни, ради бога...

Антон кивнул, привычно снял куртку, бросил рюкзак у двери. В углу отец сидел в кресле, смотрел новости — экран мерцал, диктор говорил ровным голосом про погоду и пробки. Всё как всегда.

Миша сидел на полу в коридоре, склонившись над старым будильником, который он вечно разбирал и собирал.

— Тох, смотри, — тихо позвал он, не поднимая головы. — Стрелка как-то странно себя ведёт. Она будто дёргается. Не как обычно.

Антон на секунду остановился, посмотрел на брата, на этот будильник, на дёргающуюся стрелку — и почувствовал, как где-то внутри снова шевельнулось то самое утреннее чувство: мир чуть-чуть не такой, каким должен быть.

Но тут мама позвала из кухни: — Антош, иди поешь, пока горячее!

И он отмахнулся — не грубо, а просто потому, что сил не было разбираться со стрелками. — Потом, Миш. Я устал. Давай завтра посмотрим.

Миша чуть нахмурился, будто хотел ещё что-то сказать, но только кивнул и снова уткнулся в будильник.

Антон прошёл на кухню, сел за стол, машинально налил себе чай. Отец мельком глянул на него поверх газеты, будто хотел, что-то сказать про опоздания, но только хмыкнул и снова уставился в экран.

Всё было привычно. Всё было как надо. И от этой привычной правильности становилось даже спокойнее.

Ночью, когда дом затих, Антон лежал в темноте и смотрел в потолок. Он думал, что сразу уснёт — после такого дня всегда вырубало. Но сон не шёл. Вместо этого в голове, как на старом телевизоре с помехами, начали всплывать обрывки.

Он вспомнил, как познакомился с Викой — в электричке. Она села напротив, достала книжку, но тут поезд дёрнулся, книга выскользнула у неё из рук и упала прямо к его ногам. Антон поднял, протянул ей, и она улыбнулась — так просто, будто это был самый обычный день.

Потом они сидели в кафе — в том самом, маленьком, с большими окнами и видом на мокрый парк. Вика рассказывала, что терпеть не может октябрь, но любит, когда в парке ветер гоняет листья по дорожкам. А он смеялся и говорил, что в октябре вообще жить нельзя, зато можно пить горячий кофе и смотреть, как за окном всё серое и мокрое, и чувствовать, что ты внутри — в тепле.

А потом, когда они прощались у выхода, он вдруг наклонился и поцеловал её — быстро, почти не думая. Она на секунду замерла, а потом улыбнулась, будто это было самое правильное, что могло случиться в тот серый день.

Эти воспоминания были яркими, живыми — и в то же время казались чужими, будто он смотрел не свои воспоминания, а кадры из чужого фильма. И самое странное — они не смешивались с тем, что происходило сегодня. Они стояли отдельно, как островок, который ещё не успели стереть.

«Это было», — шептал он про себя в темноту. — «Я помню, как пахло кофе, помню, как она смеялась, когда я сказал, что октябрь — это преступление против человечества. Это было. Это правда было».

Но чем дольше он цеплялся за эти воспоминания, тем тоньше становилась эта ниточка. Она дрожала, как та самая стрелка на будильнике, и грозила вот-вот оборваться.

И в какой-то момент Антон закрыл глаза, выдохнул и позволил себе отпустить её. Пусть завтра будет новый день. Пусть снова будут накладные, звонки, дедлайны. Пусть мир будет привычным.

Пусть он просто немного забудет.

Глава 3

Антон проснулся с ощущением, будто всю ночь пытался удержать что-то очень хрупкое, а оно всё равно выскользнуло сквозь пальцы. В голове было пусто, но не спокойно — а как в комнате после сквозняка: всё на местах, но чувствуешь, что только что что-то пролетело мимо.

Он встал, натянул свитер, машинально проверил телефон — и тут же одёрнул себя. Хватит. Хватит искать то, чего нет. Сегодня он будет держаться как обычно. Никаких споров, никаких «а ты помнишь», никаких судорожных проверок чатов. Просто день. Просто рутина.

На кухне мама уже гремела сковородкой, улыбалась привычно, чуть устало: — Антош, садись, яичница стынет. Ты опять хмурый какой-то. Не выспался? — Всё нормально, — буркнул он, усаживаясь на своё место. — Просто голова тяжёлая.

Отец сидел в углу, как всегда, уткнувшись в телефон. Время от времени он хмыкал, будто читал что-то возмутительное, но лицо оставалось спокойным. — Не опаздывай, — бросил он, не поднимая глаз. — Время — деньги.

Антон сжал зубы, но кивнул. Да. Время — деньги. Обычная фраза. Обычное утро.

Миша сидел напротив, теребил что-то в пальцах, смотрел на Антона так, будто хотел что-то сказать, но боялся спугнуть это его «всё нормально». Потом всё-таки не выдержал. Подошёл, остановился рядом, протянул руку. На ладони лежала банкнота из «Монополии» — яркая, пёстрая, с крупными цифрами.

— Тох, — тихо позвал он. — Смотри. Она раньше другая была. Я помню. Там надпись была другая. И цвет не такой. А теперь вот.

Антон на секунду замер, глядя на эту игрушечную купюру. В груди что-то дёрнулось — то самое утреннее чувство, которое он так старательно пытался затоптать. Но тут мама звонко щёлкнула крышкой чайника, отец снова хмыкнул, за окном проехала машина, и мир снова стал обычным, слишком обычным, чтобы верить в странные банкноты.

Он мягко, но твёрдо накрыл руку Миши своей, чуть прижал пальцы, будто хотел этим жестом успокоить сразу и брата, и себя. — Миш, ну хватит, ладно? — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без раздражения. — Это же просто игра. Они все одинаковые. Ты просто перепутал.

Миша моргнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на обиду, но он не стал спорить. Только опустил руку, спрятал банкноту в карман и тихо сел обратно. — Ладно... Просто я помню, что она была другая.

— Я знаю, — уже мягче сказал Антон. — Но сегодня у меня голова совсем не варит. Давай потом, ладно?

Миша кивнул, уткнулся в тарелку. И Антон почувствовал себя предателем — будто отмахнулся не от банкноты, а от единственного человека, который ещё видел, что мир чуть-чуть кривой.

Дорога до работы тянулась привычно: электричка, переход, Лиговский, знакомый поворот к офису. Антон смотрел в окно, ловил мелькающие вывески, светофоры, людей — и пытался убедить себя, что всё как всегда. Но где-то на краю сознания царапалась мысль: «А было ли это всегда так?».

В офисе он сел за свой стол, привычно включил компьютер, открыл почту. И тут снова мелькнуло.

Вчера он точно оставил на углу стола маленькую зелёную скрепку — она была гнутая, неудобная, но он её не выбросил, потому что на ней висела бирка с номером партии груза. Сегодня скрепки не было. Он поискал глазами — нет, нигде. Ни на столе, ни в органайзере.

«Наверное, сдуло», — подумал он, но сам себе не поверил. Сдуло? С ровного стола, где даже бумаги лежали строго параллельно краям?

Потом он открыл файл с накладными — тот самый, над которым работал несколько дней назад. И замер. Строка, которую он тогда вручную поправил, снова была с ошибкой. Цифры стояли те самые, неправильные, которые он исправил ещё раньше. Он точно помнил, как кликнул «сохранить», как файл тихо пискнул, подтверждая действие. А теперь ошибка была на месте, будто её и не трогали.

Игорь, заметив, что Антон застыл над экраном, подошёл, хлопнул по плечу: — Тох, ты чего? Опять эти цифры? Да оставь, я сам поправлю, мне не сложно. — Нет, — резко сказал Антон, потом выдохнул и сбавил тон. — Прости. Я сам. Просто... показалось, что я уже это делал.

Игорь пожал плечами, улыбнулся своей широкой, ничего не значащей улыбкой: — Бывает. День тяжёлый.

Но Антон знал, что это не усталость. Это было как в детстве, когда просыпаешься, а любимая игрушка лежит не там, где ты её оставил. Ты смотришь на это место, потом на игрушку, потом снова на место — и понимаешь, что точно, точно клал её сюда. И никто не мог её переложить. Никто.

Весь день эти несостыковки мелькали перед глазами, как помехи на старом телевизоре. Ручка, которая всегда лежала слева от клавиатуры, сегодня оказалась справа. Папка, которую он положил в нижний ящик, почему-то стояла на полке. И каждый раз внутренний голос шептал: *«Ты просто не помнишь. Ты отвлёкся»*. И он кивал этому голосу, соглашался, делал вид, что всё нормально.

А потом он пошёл отнести отчёт директору.

Кабинет начальника был таким, каким Антон его знал уже два года: строгие полки, папки, календарь на стене и на подоконнике — высокий зелёный цветок в керамическом горшке. Антон сам пару раз поливал его, когда секретарь была в отпуске.

Но сейчас, открыв дверь, он замер.

На месте цветка стоял аквариум. Стекланный, с голубоватой подсветкой, внутри медленно кружили несколько рыбок, лениво шевеля плавниками.

Антон моргнул. Посмотрел на аквариум. Потом на то место, где всегда стоял горшок. Потом снова на аквариум.

Директор оторвался от бумаг, увидел Антона и расплылся в дружелюбной улыбке: — А, Анатолий! Как раз вовремя. Держи, тут ещё пара накладных, надо срочно раскидать по складам.

Антон стоял, не двигаясь, и смотрел на аквариум. — А... — голос прозвучал хрипло, и он прокашлялся. — А где цветок? Тот, что на подоконнике стоял.

Директор на секунду нахмурился, будто пытался вспомнить, о чём речь, а потом снова улыбнулся — так по-отечески, будто разговаривал с уставшим ребёнком. — Ты, Анатолий, перерабатываешь. Какой цветок? Тут всегда аквариум стоял. С самого ремонта.

— Но... — Антон хотел сказать, что он сам поливал этот цветок. Что он помнит, как земля в горшке была сухой, как он наливал воду из пластиковой бутылки. Но слова застряли. — Работы сейчас много, — мягко продолжил директор, пододвигая к краю стола стопку бумаг. — Отпуск дать не могу, сам понимаешь. Но если чувствуешь, что голова кругом — сходи к врачу, отдохни пару дней за свой счёт.

Антон кивнул, взял бумаги, вышел из кабинета и прикрыл за собой дверь. В коридоре он остановился, прислонился спиной к стене, чувствуя, как холодный бетон немного приводит в чувство.

«Аквариум. Тут всегда был аквариум. С самого ремонта».

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. *«Я помню цветок. Я помню, как поливал его. Я не сумасшедший»*. Но чем громче он повторял это про себя, тем тоньше становилась эта уверенность, будто кто-то тихо стирал её, как ластиком.

Остаток дня он провёл, стараясь не смотреть по сторонам. Только вперёд. Только на экран. Только на цифры. Цифры не менялись. Цифры были надёжными.

Когда он вернулся домой, всё снова было привычно. Мама хлопотала на кухне, отец смотрел новости, Миша сидел в углу и что-то чертил в своей тетради.

— Антош, ты сегодня тихий какой-то, — сказала мама, ставя перед ним тарелку. — Поешь нормально, а то совсем себя загоняешь. — Всё хорошо, мам, — ответил он, и сам удивился, как ровно прозвучал его голос. Как будто он уже научился говорить эту фразу, даже когда внутри всё кричало.

Миша поднял голову, хотел что-то сказать — может, про будильник, может, про ту самую банкноту, — но, встретившись взглядом с Антоном, только кивнул и снова уткнулся в тетрадь.

Антон сел, начал есть, механически двигая ложкой. В голове крутились обрывки мыслей: *«Скрепка. Накладная. Банкнота. Чашка»*. Они складывались в странный узор, в котором не было смысла, но была одна общая черта: всё это было маленьким, незаметным, таким, что легко списать на усталость или невнимательность.

И от этого становилось страшнее всего. Потому что если мир стирает такие мелочи, значит, он готовится стереть что-то большее.

Ночью, лёжа в темноте, Антон снова вспоминал Вику. Как она уронила книжку, как смеялась над его шутками про октябрь, как пахло кофе в том маленьком кафе. Эти воспоминания были яркими, живыми — и они были единственной вещью, которая не менялась.

«Если я забуду и это, — думал он, — тогда я точно не смогу понять, что происходит».

Он лежал, сжимал кулаки, пытался удерживать эти картинки, не дать им расплыться. Но усталость тянула вниз, и вместе с ней утекали и воспоминания, становясь всё более тусклыми, словно кто-то медленно убавлял яркость.

В какой-то момент он сдался. Закрыл глаза, выдохнул и позволил темноте накрыть его. Пусть завтра будет новый день. Пусть снова будут накладные, звонки, дедлайны. Пусть мир будет привычным.

Пусть он просто немного забудет.

Но где-то глубоко внутри, под слоем усталости и рутины, царапалась одна упрямая мысль: *«Миша прав. Что-то меняется. И я не могу делать вид, что этого не вижу»*.

Глава 4

Электричка дёргалась и шла рывками, как будто сама не верила, что едет куда-то по расписанию. Антон сидел у окна, смотрел на мелькающие столбы, серые заборы, мокрые остановки — всё это было таким привычно-унылым, что почти успокаивало. *«Обычный день. Обычная дорога. Всё нормально»*, — повторял он про себя, как заклинание.

Он пытался думать о работе: о накладных, о маршрутах, о том, что к пятнице надо успеть раскидать грузы по трём складам. Но мысли всё время соскальзывали, цеплялись за мелочи: аквариум вместо цветка, пропавшая скрепка, папка, которая сама перебралась с полки в ящик. И каждый раз, когда он пытался сложить эти детали в одну картину, у него получалось не объяснение, а бред.

«Может, я правда схожу с ума?» — мелькнуло в голове, и от этой мысли стало холодно, будто кто-то приоткрыл форточку прямо над его затылком. Он сжал пальцами край сиденья, чувствуя шершавую обивку, и глубоко вдохнул. *«Нет. Пока я чувствую эту обивку, пока вижу эти столбы — я в себе. Я просто что-то упускаю»*.

И тут он заметил её.

Вика сидела через два ряда от него, чуть левее, ближе к выходу. Та самая Вика — в той же тёмно-зелёной куртке, с расстёгнутым воротом, из-под которого выглядывал тонкий вязанный шарф. Она смотрела в окно, но не так, как все — не отрешённо, не в пустоту, а будто пыталась выцепить из мелькающего пейзажа что-то важное.

Антон замер. Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом заколотилось быстро-быстро, как будто пыталось догнать реальность и сказать: *«Это она. Это правда она»*.

Он вскочил, чуть не ударившись коленом о спинку переднего сиденья, и шагнул вперёд. Люди в вагоне покосились на него, кто-то недовольно вздохнул, но ему было всё равно.

— Вика! — крикнул он, и собственный голос прозвучал слишком громко, почти отчаянно.

Она не обернулась.

Он сделал ещё шаг, протянул руку, будто хотел коснуться её плеча, остановить, заставить посмотреть на него. Но в этот момент электричка замедлилась, заскрежетали тормоза, и Вика встала. Спокойно, без спешки, будто знала, что сейчас будет остановка. Она поправила шарф, взяла сумку — и пошла к выходу.

— Вика, стой! — снова крикнул Антон, но голос утонул в шуме открывающихся дверей.

Она вышла на платформу — быстро, уверенно, не оглядываясь. Антон рванулся следом, но толпа у дверей сбила его с шага, кто-то толкнул в бок, и он на секунду потерял равновесие. Когда он наконец выскочил на перрон, её уже не было видно среди людей.

Тогда он метнулся к краю платформы, к тому месту, где она сошла. И увидел её — идущей по перрону, лёгкой походкой, будто она спешила куда-то, где её ждали. Зелёная куртка мелькала среди серых пальто и чёрных курток, как единственный яркий мазок на сером холсте.

А электричка уже тронулась. Сначала медленно, потом всё быстрее, и перрон поплыл назад, как в плохом сне, где ты бежишь, но ноги вязнут в чём-то густом, неподвижном.

Антон прижался лбом к холодному стеклу, вытянул руку, будто мог дотянуться до неё сквозь стекло и время. — Вика... — прошептал он, уже не крича, а просто называя её имя, как будто само это слово могло удержать её.

Но электричка набирала ход, и перрон уходил назад, и Вика становилась всё меньше, всё дальше, пока не превратилась в маленькую фигурку в зелёной куртке — а потом и вовсе слилась с толпой, растворилась в сером дне, как капля краски в воде.

Антон стоял у окна, прижавшись к стеклу, и смотрел, как станция исчезает за поворотом, как рельсы убегают назад, как мир становится всё более чужим и неправильным. В груди было пусто и тяжело, как будто из неё вытащили что-то нужное, а на его место ничего не положили.

«Я видел её. Я точно её видел», — твердил он про себя. Но в этом «я видел» было столько отчаяния, что оно само начинало звучать как сомнение.

Домой он вернулся как в тумане. Мама, как всегда, суежилась на кухне, что-то помешивала, улыбалась: — Антош, ты сегодня какой-то бледный. Присядь, я тебе суп налью. — Спасибо, мам, я не голоден, — пробормотал он, проходя мимо.

Отец сидел в кресле, смотрел новости. Миша стоял у шкафа, держал в руках тот самый будильник и смотрел на Антона так, будто хотел что-то сказать, но боялся.

— Миш, не сейчас, ладно? — тихо попросил Антон. — Я просто... мне надо подумать.

Миша кивнул, опустил будильник и тихо отошёл в сторону.

Антон закрылся в своей комнате, сел на кровать и обхватил голову руками. Он пытался разложить всё по полочкам: цветок и аквариум, скрепка, накладная, Вика в электричке. Но чем больше он пытался найти логику, тем сильнее всё рассыпалось.

«Я не сумасшедший. Я не сумасшедший», — шептал он, как мантру. Но страх уже сидел внутри, холодный и тяжёлый, как камень.

Ночью он долго не мог уснуть. В темноте перед глазами крутились обрывки событий: аквариум в кабинете директора, дёргающаяся стрелка будильника, зелёная куртка Вики, мелькающая среди чужих людей. И поверх всего этого — тот самый поцелуй, такой яркий, такой настоящий, что он мог бы поклясться: если сейчас потянуться, он снова почувствует запах её волос, смешанный с запахом кофе.

Он ворочался, сжимал подушку, пытался заставить себя думать о чём-то обычном — о маршрутах, о цифрах, о дедлайнах. Но цифры расплывались, а воспоминания возвращались.

В какой-то момент он сдался. Закрыл глаза и позволил этим картинкам кружиться в голове, как в сломанном калейдоскопе. Цветок. Аквариум. Вика. Поцелуй. Стрелка. Накладная.

И где-то среди этого хаоса мелькнула одна мысль, тихая, но упрямая: «Если я ничего не понимаю, значит, я должен перестать пытаться понять один. Мне нужен кто-то, кто видит то же, что и я. Кто-то, кому я верю».

Эта мысль согрела его чуть-чуть — как слабый свет в конце длинного коридора. И под этот свет он наконец уснул.

Глава 5

Антон проснулся от тихого шороха. Он не сразу открыл глаза — сначала прислушался к дому: где-то капала вода в кухне, за стеной шелестели страницы, а потом дверь в его комнату медленно, со скрипом приоткрылась.

— Тох, — шёпотом позвал Миша. — Ты спишь?

Антон приподнялся на локте, шурясь от тусклого света из коридора. Миша стоял в дверном проёме, прижимая к груди свою потрёпанную тетрадь и ещё что-то, свёрнутое в трубочку. В глазах у него было то самое выражение — смесь страха и отчаянной надежды, будто он нёс в руках не бумажки, а единственное доказательство, что он не сходит с ума.

— Не сплю, — хрипло ответил Антон, прогоняя остатки сна. — Заходи.

Миша шагнул внутрь, прикрыл за собой дверь, будто боялся, что кто-то подслушает, и сел на край кровати. Тетрадь он положил на колени, пальцы нервно теребили уголки.

— Я не могу больше молчать, — выпалил он, не глядя на брата. — Если я ещё хоть день буду делать вид, что всё нормально, я просто... взорвусь.

Антон сел, подтянув колени, и молча кивнул. Ему не нужно было просить «расскажи». Он уже знал: сейчас прозвучит что-то такое, от чего мир снова сдвинется с места.

И Миша начал. Сначала сбивчиво, глотая слова, потом всё быстрее, будто если расскажет всё разом, то перестанет бояться.

Он говорил про картинки в книжках, которые стали другими — не просто чуть-чуть, а совсем. Про раскраски, где логотипы машин теперь выглядели иначе, чем он их рисовал сотни раз. Про банкноту из «Монополии», которая теперь была другого цвета и с другой надписью. Про мультики, где персонажи вдруг стали произносить другие фразы — не похожие даже по смыслу.

— Помнишь тот мультик, где шустрик всегда говорил: «Главное — не сдаваться, даже если страшно»? — Миша поднял глаза, и в них плескалась почти детская мольба: «Пожалуйста, скажи, что ты тоже это помнишь». — А теперь он кричит: «Мы обязательно найдём сокровище!» И все говорят, что так было всегда. Я папе показал этот момент, а он посмотрел так, будто я какую-то ерунду несу, и сказал: «Да он всегда это кричал, ты просто забыл».

Антон сжал кулаки. Он помнил. Он сам включал этот мультик Мише, когда тот боялся темноты. Он помнил эту фразу слово в слово — она тогда почему-то показалась ему очень взрослой для детского мультика.

— И это не только мультики, — тихо продолжил Миша, разворачивая свёрнутую трубочку. Это оказалась старая обёртка от шоколада. — Вот. Я её специально спрятал. Потому что знал: она изменится. И она изменилась. Смотри.

Антон взял обёртку, поднёс ближе к свету. На ней был знакомый рисунок — весёлый медвежонок и надпись крупным шрифтом. Но... это была не та обёртка. Он точно помнил другую: там медвежонок держал в лапах не корзинку, а воздушный шарик, а надпись была чуть темнее. Он сам часто покупал такие для Миши.

— Мама напевает песни, которых мы никогда не слушали, — шептал Миша, будто боялся, что стены услышат. — Папа говорит про фильмы, которые, по его словам, мы смотрели вместе, а я их в глаза не видел. Они все говорят: «Так было всегда». Но я помню другое. И ты помнишь. Я вижу по тебе, что ты помнишь.

Антон молчал. Он действительно помнил. Помнил каждую игрушку, которую покупал брату. Помнил книжки, которые читал ему перед сном. Помнил эти мультики, эти шоколадки, эти глупые, но такие родные детали, из которых складывалась их жизнь. И теперь эти детали рассыпались, как старые фотографии, которые кто-то неаккуратно переклеил в альбом.

— Самое страшное, — вдруг тихо сказал Миша, — это когда они говорят это так спокойно. Не как будто издеваются. А как будто правда искренне верят, что так было всегда. Как будто это мы всё перепутали.

Антон наконец выдохнул. Он протянул руку и накрыл ладонью тетрадь Миши — не чтобы остановить, а чтобы сказать: «Я здесь. Я слышу. И я верю».

— Ты не перепутал, — твёрдо сказал он. — Я всё это помню. Каждую мелочь. Я сам тебе эту шоколадку купил. Я сам эти книжки тебе читал. И я помню ту фразу из мультика. Она была другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.